

Author: Эпштейн Самуил Данилович

Манифест: Революция. Глава 2. Внешняя политика Отц

Манифест: Революция. Глава 2. Внешняя политика
Отцов-Основателей. Рон Пол

- внешняя политика
- Манифест: Революция
- отцы-основатели
-

Наши Отцы-Основатели дали нам отличные наставления по внешней политике. Томас Джефферсон в своей первой инаугурационной речи призвал к “миру, коммерции и честной дружбе со всеми народами, без выборочных альянсов”. Джордж Вашингтон несколькими годами раньше поднимал эту же тему в своем прощальном послании. “Гармоничные, свободные отношения со всеми нациями целесообразны с политической, человеческой и экономической точки зрения”, - утверждал он. “И даже наша торговая политика должна строиться на равной и справедливой основе, а не получении или предоставлении исключительных привилегий и преференций”. Вашингтон добавляет:

“Наилучшим правилом поведения на мировой арене будет расширение наших торговых отношений и поддержание как можно меньшей их связи с политическими. ... Зачем бросать свою землю ради чужой? Зачем переплетать нашу судьбу с судьбой любой части Европы, связывая наш мир и процветание с сетями европейских амбиций, соперничества, интересов, шуток или капризов?”

К сожалению, мы прожили прошедшее столетие презрев этот мудрый совет. Если советы Отцов-Основателей вообще изучаются, они отвергаются на основании того, что мы живем в другое время. Такой же банальный аргумент можно тогда применить и вообще ко всем принципам, которые дали нам Основатели. Не следует ли нам отменить Первую Поправку потому что времена изменились? Как насчет отмены всего остального, Билля о правах? Наивно и лицемерно отменять основополагающие принципы только потому, что они мешают сегодняшней безрассудной политике. Принципы, закрепленные в Конституции не меняются. Скорее наоборот, сегодняшний более сложный мир просто вопиет о моральной оправданности антиинтервенционистской внешней политики.

Легко отрицать антиинтервенционистскую точку зрения как старомодную прихоть людей, живших в менее сложном мире, но не так-то просто обосновать, как наша текущая политика служит каким-либо национальным интересам вообще. Вполне возможно, что честное исследование американского интервенционизма в XX столетии, от Кореи и Вьетнама до Косово и Ближнего Востока покажет, что Отцы-Основатели предвидели гораздо больше, чем нам кажется.

Любой, кто защищает антиинтервенционистскую внешнюю политику должен быть готов к тому, что его заклеят изоляционистом. Но я, например, никогда не был изоляционистом. Я выступаю за вещи, которые очень далеки от изоляционизма: дипломатию, свободную торговлю и свободу передвижения. Настоящие изоляционисты - это те, кто устанавливают санкции и эмбарго на страны и народы по всему миру из-за несогласия с внутренней и внешней политикой их лидеров. Настоящие изоляционисты - это те, кто выбирают силовой путь насаждения демократии вместо поиска дипломатических решений, убеждения и воздействия собственным позитивным примером. Настоящие изоляционисты - это те, кто изолируют свою страну, настраивая против нее мировое общественное мнение, проповедуя бессмысленную агрессию и войну, которые не имеют ничего общего с легитимной концепцией национальной безопасности.

Что интересно, Джордж Буш во время президентской кампании 2000 года озвучивал некоторые из этих мыслей. В то время многие республиканцы устали от военных интервенций Билла Клинтона и вмешательств во внутренние дела других государств и желали остановить это. Достаточно напомнить, что Буш говорил о скромной внешней политике, отказе от национального строительства и роли "мирового полицейского". В 1999 году губернатор Буш говорил: "Пусть американская внешняя политика отражает американский характер. Скромность настоящей силы. Умеренность настоящего величия". В дебатах с вице-президентом Элом Гором в следующем году Буш сказал: "Я не уверен, что роль США в том, чтобы идти по миру и говорить "Вот так должно быть" ... Я думаю, что если мы хотим, чтобы на нас перестали смотреть как на "злых американцев", мы должны идти по миру и говорить: "Мы делаем это так, смотрите на нас и делайте также".

Буш также отрицал национальное строительство. “Наша миссия в Сомали начиналась как гуманитарная, но пошла по пути превращения в нациостроительную”, - говорил он. “И вот именно на этом месте миссия пошла по неправильному пути. Она изменилась. И как результат нашему народу пришлось заплатить дорогую цену. И я думаю, что наши войска не должны использоваться для того, что называют национальным строительством”. Он добавляет: "Я думаю, что мы должны только убеждать людей, живущих на территории строить свои нации. Может быть, я что-то здесь упускаю - но мы, что, собираемся иметь что-то вроде “национальностроительных войск”?"

И, наконец, в обсуждении восприятия США другими странами Буш сказал: “Если мы будем высокомерной нацией, они будут на нас обижаться. Если мы будем скромной нацией, но сильной, они будут нас приветствовать. Наша страна сейчас одинока в мире в терминах силы и именно поэтому мы должны быть скромными”. Мы должны быть “гордыми и уверенными в наших ценностях, но умеренными в отношении к нациям, которые провозглашают сейчас желание идти собственным путем”.

Другими словами, президент Буш провозглашал и победил благодаря внешней политике, сильно отличающейся от той, которую, как мы говорили, должны поддерживать республиканцы. И, конечно же, мы все видим, что произошло потом. На предварительных выборах 2008 года один из лидирующих республиканских кандидатов зашел так далеко от исходной платформы Буша, что заявил национальное строительство в качестве одной из стандартных функций американской армии.

Некоторые американцы могут знать предостережение Джона Квинси Адамса, гласящее, что Америка не должна выходить за свои границы для того, чтобы найти чудовище, которое нужно уничтожить. Но его отношение выходит далеко за рамки этой часто цитируемой максимы. Во-первых, Адамс считал, что в защиту Америки нечего будет сказать, если никто не сможет обнаружить, что полезного она сделала для всего мира:

“Что, если мудрые и образованные философы будущего мира ... обратятся к своим сердцам с вопросом, что Америка сделала полезного для всего человеческого рода? Пусть наш ответ будет таким: народ Америки с той же страстью, с какой доказывал свое существование как нации, провозглашал всему миру непоколебимость прав человека и необходимость только законных оснований формирования правительства. Америка среди множества наций, после ее признания ими, всегда безвариантно, хотя часто и бесплодно, протягивала каждой из них руку честной дружбы, равенства свобод и доброго паритета. Она постоянно говорила им, хотя часто они были невнимательными и высокомерными слушателями, на языке равенства свобод, равенства перед законом и равных прав; она на протяжении более чем половины столетия доказывая и обретая свою собственную независимость без единого исключения уважала независимость других наций; она воздерживалась от вмешательства в дела других стран, даже если конфликт возникал вокруг принципов, которых она придерживается”.

Адамс затем описывает принципы внешней политики Американской республики:

“Там, где распускаются цветы свободы и независимости, там будут сердца всей Америки, там будет ее благословение и ее молитвы. Но она не должна выходить за свои границы в поисках чудовища, которое нужно уничтожить. Она искренне желает свободы и независимости для всех. Но она защищает и воюет только за свои собственные. Она проводит в жизнь эти идеалы, вызывая сочувствие и благоприятное восприятие собственного примера. Она отлично понимает, что, единожды выступив под чужим знаменем, будь оно даже знаменем чьей-то независимости, она перейдет точку возврата и погрязнет в войнах и интригах, индивидуальных интересах, зависти и амбициях, которые лишь рядятся в цвета свободы и прикрываются стандартами свободы. Фундаментальные максимы ее политики незаметно повернутся от свободы к силе. ... Она может даже стать диктатором мира, но при этом навсегда потеряет собственный дух”. ...

Это не был “изоляционизм”. Это было элегантно изложенным простым здравым смыслом и принципами, которые в то время принимались как данность почти всеми.

В том же контексте Генри Клей просто повторял мудрые суждения Джорджа Вашингтона, но не давал права голоса изоляционизму, когда предупреждал сограждан: "Политикой, которой мы придерживаемся с дней Вашингтона ... мы достигли большего для дела свободы, чем достигли бы любые армии; мы показали другим нациям путь к величию и счастью. ... И еще больше получили их для себя ... приверженность свободе, которая определила нашу миролюбивую политику и позволила избежать участия в европейских войнах, мы должны поддерживать как прожектор, ярко горящий на западном побережье и дающий свет всем народам, а не рисковать ей среди руин,

разрушенных или разрушающихся республик в Европе". Поэтому мы должны действовать примером, а не силой, поддерживать модель, которой остальные народы захотят следовать. Мы никому не принесем пользы своим банкротством.

Ричард Кобден был политиком, который в 19 веке выступал против всех внешних интервенций своего правительства. В те дни люди куда лучше понимали философию антиинтервенционизма и никто не оказался столь глуп, чтобы называть Кобдена изоляционистом. Вместо этого он вполне заслуженно приобрел репутацию интернационалиста.

Многие обвиняют антиинтервенционистов в недостаточной амбициозности за то, что они не хотят признавать "национальное величие" - как будто бы величие нации может быть измерено чем-либо кроме добродетели его народа и качеством его социальных институтов. Этим критикам нужно бы иметь смелость упрекать в этом и Отцов-Основателей, но они не осмеливаются. Им, наверное, понравится, если я скажу, что нынешний правящий класс, несомненно, наделен историческим гением, а Джефферсон, Вашингтон и Мэдисон были непроходимыми дураками.

То, что говорили нам Отцы-Основатели по поводу внешней политики, стало более важным, но еще более игнорируемым после ужасных террористических атак 11 сентября 2001.

В недели, следующие за этим роковым днем, большинство американцев следило за поиском и наказанием организаторов теракта. Это было достаточно осмысленно. Я лично голосовал за то, чтобы проследить за Аль-Каедой в

Афганистане. Но люди стали интересоваться, почему мы были атакованы - и, конечно же, не потому, что они хотели простить террористов, но из естественного интереса к тому, что так разозлило этих людей. Поиск мотивов - это не поиск оправданий; криминалисты всегда ищут мотивы преступления, но никто не обвиняет их в том, что они хотят оправдать убийства.

Семью годами позже, тем не менее, наш политический класс все еще отказывается говорить о чем-либо серьезном, продолжая беречь раны и заниматься пропагандой. Остальной мир поражен этим отказом говорить откровенно о реальной ситуации. А ведь от этого может зависеть наша безопасность.

Один из людей, с которыми нам надо было бы посоветоваться, если мы хотим понять, кто желает нам зла - это Майкл Шойер, который был шефом отдела по Осаме бен Ладену контртеррористического центра ЦРУ в конце 90х годов. Шойер - консерватор и противник аборт, который никогда не голосовал за Демократическую партию. И он отказывается верить официальной точке зрения, гласящей, что террористические атаки на Америку не имеют отношения к политике по отношению к исламскому миру. "Фактически, - говорит он, эти атаки имеют - "прямое отношение к тому, что мы делаем". Некоторые люди просто не слушают таких доводов или притворяются, что их не понимают, опошляя это высказывание, ссылаясь на то, что Шойер "обвиняет Америку" в террористических атаках. Однако Шойер, абсолютно недвусмысленно пишет, что все участники террористических атак на американцев должны нещадно караться за свои акты варварства. Его точка зрения очень проста: наивно, более того - утопично, ожидать, что люди не будут возмущены и не возжелают мести, когда наше правительство бомбит их,

поддерживает полицейские режимы в их государствах и накладывает на их родные страны убийственные санкции. Эта месть в различных формах, которую ЦРУ называет "отдача" - непредусмотренное следствие военных интервенций.

Очевидно, что вина все равно лежит на тех, кто организует теракты, независимо от их мотивации. Вопрос, который я задаю вместе с Шойером - это не вопрос о том, кто несет моральную ответственность за терроризм - только дурак может возлагать ее на кого-либо кроме самих террористов. Вопрос, который мы задаем, отнюдь не дурацкий, а, напротив, очень серьезный: если наша гиперинтервенционистская политика с большой вероятностью дает нам такую "отдачу", нужна ли нам такая внешняя политика? Оно реально того стоит? Основной акцент нашей критики, другими словами, состоит в том, что внешняя политика правительство ставит под угрозу американский народ и делает его более уязвимым для атак, чем было бы в других случаях. Это и есть вопрос, который мы хотим поставить перед американским народом.

Интервенционистская политика, которая дает террористическую "отдачу" реализуется обеими партиями. К примеру, госсекретарь Билла Клинтона, Мадлен Олбрайт, в передаче "60 минут" сказала, что смерть полумиллиона иракских детей в результате санкций в 90х годах "того стоит". Кто может быть таким наивным, настолько оторванным от реальности, чтобы думать, что высказывания вроде этого - которые, можете быть уверенными, слышит весь арабский мир - не вызовут ответной реакции? Если американцы теряют членов семьи и друзей, разве они не ведут охоту за злоумышленниками и не удовлетворяются до тех пор пока они (злоумышленники) не будут наказаны? Вопрос риторический. Так почему же мы не должны ожидать, что другие люди

не захотят мести за такую нашу политику? Я ни разу не получил ответа на это простой и очевидный вопрос.

Это не означает, что американцы плохие люди и что они виновны в терроризме - такие ложные аргументы приписывают нам сторонники интервенционизма чтобы запутать вопрос и демонизировать оппонентов. Это означает только то, что действие порождает противодействие и что американцы должны быть к этому готовы, если их правительство продолжит интервенционистскую политику. В 2000 году я писал: “Цену в терминах потери свобод, а также неоправданной опасности терроризма сложно определить, но со временем всем станет очевидно, что внешний интервенционизм не приносит выгод гражданам Америки, а является угрозой нашим свободам”. Я и сейчас готов подписаться под каждым словом.

Тем, кто говорит, что террористы мотивированы ненавистью к западным либеральным ценностям или моральному разложению американской культуры, Шойер напоминает, что иранский аятолла Хомейни в течение десятилетия пытался поднять антизападный джихад точно на такой основе. И это ни к чему не привело. Обращения же Бен Ладена кажутся множеству людей такими притягательными потому, что они носят сугубо оборонительный характер. Бен Ладен, говорит Шойер, “ушел от полного отрицания западных ценностей”, сфокусировавшись вместо этого на “простейших утверждениях о том, что существует широкий заговор против мусульман”.

Сторонники Бен Ладена обращают внимание на то, что, как вновь и вновь ими повторяется, наше правительство поддерживает непопулярные режимы на Ближнем Востоке, держит войска на Аравийском полуострове, поддерживает

активность правительств, которые жестко обращаются с мусульманским населением (как, например, в России), а так же, как они верят, питает пристрастие к Израилю. Дело не в том, что мы должны согласиться с этими аргументами, а в том, что это важно для понимания, что именно заставляет такое большое число людей собираться под знамена Бен Ладена. Мало кто оставил бы свои мирные занятия и семью и обратился к насилию на основе пустой идеологии; существуют реальные обиды, иногда подкрепленные идеологией, которые заставляют столь многих людей действовать.

На пресс-конференции, которую я проводил в Национальном Пресс-клубе в мае 2007, Шойер сказал репортерам: Единственная вещь, которая удерживает в целостности шаткую коалицию, которую собрал Осам Бен Ладен - это общая для всех мусульман ненависть к влиянию внешней политики США. ... Они все объединены ненавистью к внешней политике США. В той степени, в которой мы изменим эту политику в своих интересах, в той они будут больше и больше фокусироваться на внутренних проблемах". Это не то, что говорит большинство телекомментаторов, но мало кто лучше разбирается в обращениях Бен Ладена, чем Шойер, один из лучших в стране экспертов по этому человеку.

Филипп Джиральди, другой консерватор и бывший эксперт ЦРУ по терроризму, добавляет, что "каждый, кто имеет представление о том, что происходило в последние десять лет, поймут, что существует несомненная причинно-следственная связь между политической программой Аль-Каеды и обидой. Обидой на то, что "мы находимся здесь". Простой факт состоит в том, что "из нашего присутствия на Ближнем Востоке существуют следствия и, если мы хотим решать проблему терроризма, нам нужно обращать на это пристальное внимание".

Даже заместитель министра обороны Пол Вулфовиц понимает, что внешние интервенции могут иметь непредсказуемые последствия, и что американское присутствие на Ближнем Востоке привело к враждебности против нашей страны. 29 мая 2003, агентство Рейтер сообщило: "Вулфовиц привел и другую причину для вторжения "почти незаметную, но крайне важную" - а именно, то, что свержение Саддама позволит США вывести войска из Саудовской Аравии, где они уже долгое время являются основным раздражающим фактором для Аль-Каеды". Вкратце аргументация Вулфовица состоит в том, что одним из мотивов террористической атаки 11 сентября было недовольство нахождением американских войск на Аравийском полуострове. Заметим снова, ни Вулфовиц, ни я никогда не говорили и не подразумевали, что Америка получит удар именно 11 сентября, или что атаки морально оправданы или какой-либо подобной ерунды. Точка зрения проста: покуда наше правительство вмешивается в дела по всему миру, всегда существует вероятность, что оно-таки разворошит осиное гнездо; таким образом, правительство подрывает безопасность американского народа. Это очевидно. Но едва ли кто-либо в нашем правительстве осмелится сказать американскому народу правду о провале нашей внешней политики.

“Отдача” ни сложна для понимания, ни неожиданна для консерваторов и либертарианцев, так как они часто рассматривают под этим углом внутренние программы, которые, будучи благими по намерениям, часто ведут к неожиданным и непредсказуемым последствиям. Мы может дать волю воображению, насколько значительнее и непредсказуемее могут быть последствия внешних интервенций.

Классическим примером “отдачи” может быть свержение премьер-министра Ирана Мухаммада Моссадеха в 1953 году. Американская и британская разведки, действуя совместно, добились свержения популярного и законно избранного правительства Моссадеха, заменив его политически удобным, но репрессивным шахом. Несколькими годами позже революционное правительство Ирана захватило американских заложников и удерживало их в течение 444 дней. Здесь есть связь - и не потому, что последователи радикального Ислама считали, что от светского правительства Моссадеха будет много пользы, а потому, что для простых людей неприятно вмешательство во внутренние дела их государства.

Когда дело доходило до террористов-смертников, я всегда, как и многие другие, считал, что их движущим мотивом является исламский фундаментализм. Обещание вечного рая как награды за убийство неверных, вроде бы объясняет их действия. Однако мировой эксперт по суицидальному терроризму заставил меня переосмыслить этот внешне правдоподобный ответ. Роберт Пэйп из Чикагского университета для своей книги “Умирая чтобы победить: стратегическая логика суицидального терроризма”, собрал базу данных по 462 случаям атак террористов-смертников за период с 1980 по 2004. Одним из выводов, к которым он пришел, является то, что религиозные верования имеют куда меньшее мотивирующее значение, чем мы привыкли думать. Мировым лидером суицидального терроризма является светское марксистское движение “Тигры Тамила” на Шри-Ланке. Самые крупные фундаменталистские исламские государства не были ответственны ни за один суицидальный теракт. Ни один из них не исходил из Ирана или Судана.

Решающий вывод таков: наиболее сильной мотивацией, по Пэйпу, были не религиозные соображения, а страсть "заставить современные демократии удалить военные силы с территорий, которые террористы считают своими родными землями. В период между 1995 и 2004 годами две трети всех террористических атак Аль-Каеды пришли из стран, где размещены американские войска. Хотя вероятность появления террористов из стран, где ваххабиты (радикальные исламисты) занимают сильные позиции вдвое больше, чем обычно, она вдесятеро больше для стран, где размещены американские войска. До вторжения США в Ирак в 2003 году, в этой стране ни разу не было суицидальных террористических атак. Между 1982 и 1986 годами в Ливане был совершен 41 суицидальный теракт. После вывода войск США, Франции и Израиля из страны ни одного теракта больше не произошло. По мнению Пэйпа причина прекращения терактов была в том, что сторонники Осамы Бен Ладена по всему миру больше не смогли завербовать добровольцев вне зависимости от их религиозных убеждений.

Пэйп в результате своих обширных исследований пришел к уверенности, что чем дольше будет длиться оккупация мусульманских территорий, тем выше шансы у США на продолжение атак, подобных 11 сентября.

Многие американцы не знают, что в начале двадцатого столетия наша страна имела отличную репутацию на Ближнем Востоке - части мира, которая, как нам сейчас говорят, ненавидит нас независимо от того, что мы делаем. Да, теперь после десятилетий вмешательства, наше правительство ненавидят на Ближнем Востоке и во всем мире в такой степени, какой я не видел за всю свою жизнь. И это не делает нашу жизнь безопаснее.

Безусловно, всегда будут существовать те, кто желает нам зла безотносительно к внешней политике, которую мы проводим. Но тем, кто набирают единоверцев-добровольцев для проведения политики насилия по отношению к американскому народу, будет куда сложнее делать это, если им не на что будет указать как на материальные факты в оправдание своих взглядов. Эти материальные факты составляют у Бен Ладена специальный список обид, которые привели столь многих под его знамена. Вполне предсказуемо, что набор в Аль-Каеду многократно вырос после вторжения в Ирак.

Война в Ираке была одной из наименее обоснованных, плохо спланированных, и просто необязательных военных конфликтов в американской истории и я возражал против ее начала. Но об этом начале я начал говорить не в 2002 или 2003 годах. Еще в 1997 и 1998, сразу после моего возвращения в Конгресс после дюжины лет медицинской практики, я возражал против действий администрации Клинтона, которые, как мне виделось, ведут нас к войне с Ираком. Исходные точки нашей последующей политики были заданы именно в это время. Те же голоса, которые требовали от администрации Клинтона атаковать Ирак, позже стали требовать от администрации Буша атаковать Ирак, эксплуатируя трагедию 11 сентября для того, чтобы реализовать свои давнишние планы захвата этой страны Америкой. В ход пошли любые обоснования: “оружие массового поражения”, слабость режима Саддама (вопрос, который никак не беспокоил большинство этих политиков в 1980е, когда они поддерживали его режим), связи с Аль-Каедой и все что угодно еще. Пока их ближневосточные амбиции не удовлетворены, их не волнует, как это будет преподнесено народу.

По всем стандартам - конституционным, финансовым, национальной безопасности - я не вижу ничего полезного во вторжении в Ирак. Любой серьезный эксперт по Ближнему Востоку мог бы сказать нам (если бы мы хотели его услышать), что Ирак не имеет значительного отношения к терроризму. (Во время войны в Персидском заливе в 1991 году Осам Бен Ладен предлагал, если необходимо, быть проводником армий, защищающих Саудовскую Аравию от Саддама). Ирак не атаковал нас и деятели нашего правительства, включая Кондолизу Райс и Колина Пауэлла, говорили о том, что Саддам надежно изолирован и не представляет ни для кого угрозы. Политический режим Саддама не был исламистским и за изменения в этом вопросе мы можем быть благодарны только войне.

Некоторые апологеты войны до сих пор пытаются доказать, что оружие массового поражения действительно было, или что Саддам был действительно связан с Аль-Каедой, но я не понимаю, почему они сейчас об этом беспокоятся. Администрация давно отказалась от этих утверждений.

Среди всего этого важно не забывать о моральных сторонах войны и тех столетиях, в течение которых христианские, а затем и светские мыслители пытаются ограничить и сократить распространение войн. Больше чем тысячу лет существует доктрина и христианское определение справедливой войны. Эта традиция начинается с четвертого столетия нашей эры, от Амвросия Медиоланского и Блаженного Августина, но приобрела зрелость у Фомы Аквинского и поздних схоластиков, таких как Франциско де Витория и Франциско Суареса. Требования к справедливости войны разнятся от комментатора к комментатору, но у всех, кто писал на этот предмет, есть несколько общих принципов. Война в Ираке даже близко не удовлетворяет им.

Во-первых, должен присутствовать акт агрессии, в ответ на который начинается справедливая война. Но против США не было никакого акта агрессии. Мы находимся в 6000 миль от Ирака. Пустые разговоры о беспилотных самолетах, которые могут нанести по нам удар, мягко говоря, не слишком убедительны.

Во-вторых, не были исчерпаны возможности дипломатического решения. Их, в общем-то, никто и не попытался применить.

Традиционный критерий справедливой войны также требует, чтобы решение о войне принимало лицо, облеченное должными полномочиями. По Конституции США должных полномочий не имеет ни президент, ни ООН. Решение может принять только Конгресс - но Конгресс вопреки Конституции делегировал это право президенту.

Я слышал, что Саддам совершил реальный акт агрессии против США: он стрелял по нашим самолетам. Эти американские самолеты проводили мониторинг зон запрещенных для полетов над Ираком. Эти зоны, как говорили, установлены резолюцией ООН ЛЬ688, которая предписывает нациям способствовать мирному урегулированию между курдскими и шиитскими областями. Однако резолюция в действительности не говорит ничего о зонах запрещения полетов и ничего о бомбежках Ирака.

То, что Саддам за 12 лет потерял все свои самолеты, в то время как наши самолеты сделали десятки тысяч вылетов, показывает абсолютную слабость его как врага: нищую нацию Третьего Мира, которая испытывает недостаток

военно-воздушных сил, войск ПВО и флота. И это было представлено нам как величайшая угроза, требующая немедленного вмешательства. Этот бред - оскорбление для нашего интеллекта, заставляющий остальной мир сомневаться в нашей вменяемости.

И пропаганда продолжается по сей день. В республиканских президентских дебатах после обвинения в изоляционизме - (честно, ну неужели разница между антиинтервенционизмом и изоляционизмом действительно так трудноуловима?) - Мне с мудрым видом сказали, что тот курс, который я рекомендую по отношению к Ираку схож с политикой “умиротворения” Гитлера! Конечно, все мы уже наслушались бредовой политической пропаганды, особенно во время президентских дебатов, но это реально выходит за все возможные пределы! Неужели американский народ может поверить, что если он не поддержит вторжение и оккупацию полностью парализованной страны Третьего Мира, он будет похож на тех, кто обеспечивал комфорт и помощь Гитлеру? Неужели этот кандидат и правда так низко оценивает интеллект американского народа?

Как, в конце концов, Гитлер изначально пришел к власти? Он сделал себе имя денонсировав Версальские соглашения, которые определяли условия мира для Германии по итогам Первой Мировой Войны. В то время и позже многие эксперты описывали эти соглашения как жестокие и односторонние. (И действительно, эти соглашения не были похожи на обычные послевоенные: после наполеоновских войн, последнего континентального конфликта до Первой Мировой войны, Венский конгресс выставил побежденной Франции разумные требования и всего через несколько лет полностью принял ее обратно в сообщество наций). Гитлер апеллировал именно к этому чувству

несправедливости части германского народа: доколе, спрашивал он, мы будем позволять относиться к себе как к нации третьего сорта?

Теперь давайте вспомним решение президента Вудро Вильсона о вступлении США в Первую Мировую войну (уровень общественной поддержки решения Вильсона, вероятно, был определен массовой пропагандистской кампанией, не имевшей прецедентов в американской истории, когда правительству удалось перевернуть общественное мнение). Война в Европе зашла в тупик в основном из-за вмешательства Вильсона. Благодаря этой интервенции Союзники не только победили, но и оказались в силах навязать побежденной Германии карательные Версальские соглашения. Я вовсе не намереваюсь сказать, как говорят многие историки, что решение Вильсона о вступлении в войну непредумышленно дало импульс гитлеровской политике жесткого национализма, вследствие того, что заключенные в результате победы соглашения косвенно помогли Гитлеру оказаться в центре внимания. Гитлер якобы мог иначе остаться неизвестным. Германский президент Поль фон Гинденбург говорил, что видел в нем потенциально хорошего министра почты.

Неужели Вильсон хотел этого исхода? Неужели он намеревался дать Гитлеру и его партии превосходную стратегию для политического продвижения? Конечно, нет. Но получилось именно так, и вот нам отличный пример непредсказуемых последствий внешней интервенции и того, что, свергая плохое правительство, мы можем получить вместо него не лучшее правительство, а худшее.

Но даже после этого ни либертарианцы, ни традиционные консерваторы, к которым принадлежу я, не испытывают неуважения к утопическим попыткам Вильсона. Мэйнстрим левого движения его дней был сильно разочарован результатом, так как надеялся на более справедливый мир, а по-настоящему прогрессивные деятели, такие как Роберт ла Фоллетт, Рэндольф Борн и Джейн Аддамс выступали против войны с самого начала. Поэтому небольшое количество неоконсерваторов и сейчас остается защитниками Вильсона. Но вряд ли можно вообразить лучший исторический урок, чем этот.

Война в Ираке иногда приписывается инициативе консерваторов или либералов. Это неверно. Сторонники войны и империи - выходцы из обеих партий, их хватает и среди консерваторов и среди либералов. "Свободные СМИ" поддержали войну в Ираке с энтузиазмом и их вовлеченность в механическое повторение официальной линии привело к отрицанию любых критических мнений, которые у них были. Американские СМИ настолько вопиюще увлеклись нарушением своего долга во время иракской войны, что одна из групп наблюдателей объявила награду в 1000 долларов за указание на репортера, который задаст администрации хотя бы один провокационный вопрос по поводу предвоенных разведданных. Хилари Клинтон была яростной сторонницей войны. Вслед за довыборами 2006 года большинство демократов в Конгрессе вновь прискорбно выставили себя пародией на оппозиционную партию, продолжив финансировать войну и отказываясь от каких-либо решительных действий.

Большую часть 2006 и 2007 годов все выглядело, как будто мы смотрим зацикленную киноленту: пропаганда и лозунги, многократно повторяемые СМИ, угрожающие вовлечь нас в новую войну.

Затем ситуация изменилась. В декабре 2007 в документах Национальной Разведывательной Оценки, подготавливаемой аппаратом шестнадцати разведывательных агентств США, прозвучал вывод, о том, что Иран свернул свою ядерную программу в 2003 году и не возобновлял ее. До самого момента как был опубликован этот документ, наши так называемые “свободные СМИ” подобострастно служили некритическими рупорами военной пропаганды администрации, готовя прикрытие для нового дорогого и необязательного конфликта. “Это никогда не повторится”, - уверяли нас репортеры и сочинители передовиц после фиаско в Ираке. Не прошло и десяти минут, как они вернулись к своему обычному сговору с политическим истеблишментом.

Я всегда говорил, что Иран не представляет непосредственной ядерной угрозы для нас или своих соседей и теперь сообщество разведчиков подтвердило эту точку зрения - точку зрения, о которой любой, кто читает не только американские газеты, достаточно информирован для того, чтобы принять как данность. Риторика администрации, с другой стороны, пытается создать впечатление, что ничего не изменилось. Впрочем, с их стороны действительно ничего не изменилось, так как они, очевидно, имели доступ к этому документу уже несколько месяцев, до его публикации в начале декабря.

Неуклюжие попытки администрации закрыть глаза на эту новую информацию натываются на логические и риторические проблемы. Поначалу официальные лица попытались дискредитировать доклад, несмотря на то, что он является одной из наиболее исчерпывающих докладов разведки на этот предмет, опирающимся более чем на тысячу источников. Затем они заявили, что Иран прекратил ядерную программу в 2003 году - и этот факт, взятый из

доклада, который они объявили ошибочным, якобы доказывает, что военное давление США работает, так как Иран прекратил ядерную программу после вторжения в Ирак. Поэтому правительство должно усиливать давление путем наложения следующего уровня санкций. Россия и Китай не “купились” на этот “анализ” и наши изоляционисты в Вашингтоне снова оставили Америку в полном одиночестве на мировой сцене.

Как и от Ирака, от Ирана пытаются добиться логически невозможного трюка, доказывающего негатив. Иран подразумевается виновным, пока не докажет свою правоту, потому что очевидных доказательств обвинения не предъявлено. Все еще не очевидно, что Иран - участник Договора о нераспространении ядерного оружия, когда-либо нарушал его условия - условия, разрешающие Ирану использовать ядерную энергию в мирных целях. США не могут в единоличном порядке изменить условия этого договора, а наложение санкций без веской причины является нечестным и недальновидным с дипломатической точки зрения. Иран, между прочим, может заметить закономерность: если страна обретает ядерное оружие, ее оставляют в покое, и даже субсидируют. Если же ядерного оружия нет, то стране постоянно угрожают войной. При такой внешней политике, какая страна не захочет иметь ядерное оружие? Но даже при всем этом нет никаких признаков того, что Иран имеет ядерное оружие или может его получить в ближайшем будущем, даже если немедленно возобновит свою ядерную программу.

Однако пока влиятельным частным интересам выгодна война, в ход пойдут любые предлоги, и даже информация Национальной Разведывательной Оценки не гарантирует, что наше правительство перестанет тянуть руки к

Ирану. В конце лета 2007, когда для правительства стало очевидным, что доказательства наличия ядерного оружия у Ирана найти не удастся, президент Буш подписал исполнительный приказ, обозначающий 125-тысячный элитный Корпус Стражей Революции “террористической” группой, тем самым, создавая новый предлог для нападения на Иран. Однако гораздо меньшее число американцев воспринимает это как обоснование для войны. Доклад разведывательных служб не отменил полностью возможность войны, но, как минимум, затруднил ее продвижение общественному мнению.

Неоконсерваторы - ложные консерваторы, которые ввергли нас в хаос Ирака и подталкивают к тяжелой войне с Ираном - продолжают занимать высокие посты. Это мне непонятно. Все прогнозы, которые они сделали относительно разгрома Ирака - как например, то, что это будет легкая победа, что издержки будут компенсированы нефтяными доходами, что религиозные мотивы сопротивления будут слабы - все эти прогнозы полностью опровергнуты реальными событиями. И эти люди до сих пор получают места в главных газетах страны и на телевизионных ток-шоу. Вместо того, что бы быть покрытыми позором, как этого требует здравый смысл, они до сих пор считаются мудрецами, каковыми, очевидно, не являются. Мне припоминается Джордж Оруэлл, с его “модернизированным человеком, который думает лозунгами, а говорит заголовками”.

Между тем, где внимание к тем, кто поддерживал антиинтервенционистскую внешнюю политику? С этими людьми мы бы избежали иракского провала. Америка была бы на триллионы богаче, иракское общество не лежало бы в руинах, бесчисленные американцы и иракцы были бы все еще живы. Позиция антиинтервенционистов полностью оправдалась. И,

тем не менее, они теперь не занимают высоких постов в администрации, которые должны были покинуть те, кому они были дарованы истеблишментом и кто оказалась кругом неправ и несет ответственность за резню и разрушение, которые уничтожили наше доброе имя во всем мире и изолировали нас больше чем когда бы то ни было. Но антиинтервенционистов в администрации почти нет.

Хотя вы никогда не узнаете этого из американских газет и телевизионных ток-шоу, те, кто поддерживают антиинтервенционистскую политику Отцов-Основателей занимают видное место в истории Республиканской партии, консервативного и либертарианского движений. Так называемые “старые правые” или “подлинные правые”, противостояли идее “большого правительства”, считая интервенционизм вне и внутри страны двумя сторонами одной монеты. Они считают “большое правительство” не более компетентным в делах внешней политики, чем оно показало себя в делах политики внутренней. В обоих случаях это одно и то же учреждение, с одними и теми же людьми, оперирующими одинаковыми мотивами.

Недавняя статья в консервативном журнале “Современная эпоха” (Modern Age), основанном в 1957 году Расселом Кирком, иллюстрирует эту точку зрения. Феликс Морли, например, был одним из основателей старейшего консервативного еженедельника в Америке “Общественные события” (Human Events). В 1957 году он написал статью под названием “Американская республика или Американская империя”. В ней Морли предупреждал: “Мы пытаемся заставить федеративную республику выполнять функции империи без честного признания того, что все наши традиционные институты специально приспособлены для предотвращения централизации власти. ... В

какой-то момент, тем не менее, этот фундаментальный конфликт между нашими институтами и нашей политикой должен будет разрешиться”.

В “Свободе и федерализме” Морли процитировал Адольфа Гитлера: “сильное национальное правительство может значительно вторгаться в свободу индивидов, равно как и в свободу других государств и брать на себя ответственность за это без ослабления имперской идеи только в том случае, если каждый гражданин осознает, что такие меры - это средства сделать нацию сильнее.” Морли затем тщательно разъясняет, что имел в виду Гитлер:

“Другими словами, проблема имперского строительства в высшей степени мистична. Она должна как-то поощрять впечатление, что человек велик в той степени, в какой великой является его нация; что германец как таковой превосходит бельгийца как такового; англичанин превосходит ирландца; американец превосходит мексиканца: просто потому, что страны, названные в парах первыми сравнительно сильнее, чем вторые. И люди, которые не имеют индивидуальных достоинств, рады принимать это вредную чушь, потому что она дает им чувство значимости без приложения каких-либо собственных усилий”.

Феномен, описанный Морли, и далее не удалось исключить из идеологии республиканского правительства, члены которого чужды нам, так как выросли в условиях военного противостояния.

Рассел Кирк был одним из главных основоположников американского консерватизма и его книга “Консервативное мышление” стала одним из наиболее его ярких текстов. Он также весьма подозрительно относился к

милитаризму: критиковал высокие военные расходы, выступал против войны во Вьетнаме, хотя и в частном порядке. К 1990 годам он стал выраженным противником военных интервенций правительства и был убежден, что таким образом Америка наживает себе ненужных врагов. “Президенты Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт и Линдон Джонсон были яркими сторонниками американского доминирования в мире”, сказал он в своем выступлении в исследовательском центре “Фонд Наследие” (Heritage Foundation) в 1991 году. “Теперь Джордж Буш , похоже, собирается превзойти этих выдающихся демократов. ... В целом республиканцы на протяжении всего двадцатого столетия были сторонниками благоразумия и сдержанности в ведении внешней политики”.

Что касается войн “за демократию”, Кирк - оставаясь традиционным республиканцем, которым всегда был - едва ли воспринимал эту идею серьезно. “Мы что собираемся полностью разбомбить большую часть Африки и Азии из-за справедливости, свободы и демократии?” - интересовался Кирк. “И даже завершив это, как мы можем быть уверенными, что взамен людоедов, которых мы стерли с лица земли к власти не придут еще большие нечестивцы? Как, вспомните, это случилось в Конго три десятка лет назад или сейчас в Заире, который однажды назвали Бельгийским Конго, где мы рьяно возводили к власти диктатора Мобуту, который оказался более кровавым, чем Саддам. Или мы забыли Кастро на Кубе?”

В книге “Политические принципы Роберта А. Тафта”, которую он написал в соавторстве с Джеймсом МакКлеелланом, Кирк отмечал антипатию Тафта к войне. (Роберт Тафт был выдающимся “старым правым” в Сенате 1940х и 1950х). “Война, осознавал Тафт, была врагом конституции, свободы,

экономической безопасности и традиционного уклада. ... Хотя он и не был убежденным пацифистом, он настаивал, что до применения военной силы должны быть исчерпаны абсолютно все альтернативные возможности. Война сделает президента США фактическим диктатором, снизит конституционные права Конгресса, ограничит гражданские свободы, повредит традиционной уверенности в своих силах и самообладанию американского народа, подорвет частную и общественную мораль.”. Он продолжает:

“Предубеждение Тафта по отношению к войне было столь же сильно, как и его неприязнь к имперским идеям. Так же как римляне построили империю в припадке безумия, он опасался, что Америка может обрести имперскую силу с лучшими намерениями - и худшими последствиями. Он предвидел жестокую возможность размещения американских гарнизонов в отдаленных уголках мира, широкое влияние военного истеблишмента, фанатичный ”демократизм“, проводимый во имя американского образа жизни, пренебрежения внутренними делами в погоне за мировой мощью, растрате ресурсов Америки на бессмысленные наднациональные структуры, разложение свободы внутри страны в той степени, в какой Америка предполагает править миром: Тафт не раз употребляет термин ”государство-гарнизон“. США в роли управляющего заокеанскими территориями не вдохновляла, а американская Конституция не дает возможности для широкомасштабного и длительного имперского управления. В стремлении излечить мир от всех его болезней, американцы могут вместо этого скатиться к тягостному имперскому доминированию и разложению”.

Ричард Вивер, еще один важный деятель в истории консерватизма и, возможно, наиболее известный из-за своей книги “Идеи имеют последствия”,

возражал против атомной бомбардировки Японии, и с презрением относился к Теодору Рузвельту, который желал “распирать, угрожать и запугивать наших слабейших соседей”. Вивер опубликовал выдающееся эссе об антиморальности тотальной войны в своей книге “Видение порядка”, доказывая, что “из многих вещей, напоминающих нам, что дух цивилизованности иссякает, ни одна не дает более глубокого предупреждения, чем тотальная война”.

Консервативный социолог Роберт Нисбет напоминал своим слушателям, что война носит революционный, а не консервативный характер. Он также предупреждал, что в условиях войны социалистические предложения часто становятся законами страны.

Взгляды трех названных деятелей - Кирка, Вивера и Нисбета - имеют важную общую точку. Одно из крупнейших и уважаемых исследований американского консерватизма - книга Джорджа Нэша “Консервативное движение в США с 1945 года” называет трех этих мыслителей наиболее значимыми фигурами среди тех, кого называют традиционными консерваторами. Это означает, что три наиболее крупных мыслителя послевоенного периода были в той или иной степени милитаристами. Ни один из них не был пацифистом, но все они верили, что война - это нечто настолько материально и морально катастрофическое, что однозначно должно рассматриваться только как последнее средство. И с тех пор как Рэндольф Борн сказал, что “война это здоровье нации”, они также осознавали и внутренние негативные эффекты войны - такие как налоги, государственный долг, потерю свобод и ослабление Конституции.

Как в эту картину вписывается Израиль, с которым США долгое время поддерживали специальные отношения? Я не вижу, почему дружба не может продолжаться. Я за установление с Израилем той самой честной дружбы, которую Джефферсон и Отцы-Основатели призывали нас установить со всеми народами. Но это также означает отсутствие специальных привилегий, таких как внешняя помощь - это позиция, которую я считаю необходимо занимать в двусторонних отношениях также и со всеми остальными странами. Это означает и то, что я выступаю против помощи правительствам, являющимся настоящими или потенциальными врагами Израиля, которые вместе взятые получают американской помощи много больше, чем получает Израиль. Оказание помощи обеим сторонам очевидно заставляет простых израильтян и американских евреев сделать вывод, что Америка в этой игре лицемерно ставит свои ставки.

Я выступаю против международной помощи по причинам, которые я детализирую в одной из следующих глав. Международная помощь не просто аморальна вследствие того, что подразумевает насильственное перераспределение благосостояния; она еще и приводит к обратным результатам пока продолжается поток бесплатных благ. Внешняя помощь была просто бедствием для стран Африки, приводя к откладыванию серьезных экономических реформ и порождая расточительство и бездеятельность. Более того, когда выделенная помощь тратится на приобретение товаров, произведенных американскими корпорациями, это и вовсе форма поддержания корпоративного благосостояния, которую я категорически отвергаю.

Только те, кто очень поверхностно относится к Израилю может действительно радоваться, что он продолжает получать американскую помощь более чем на 2 млрд. долларов в год. В отсутствие таких грантов Израиль был бы вынужден строить более свободную экономику, тем самым, принося своему народу большее благосостояние и приобретая большую уверенность в своих силах. Внешняя помощь только замедляет полезные реформы, те реформы, которые каждый настоящий благожелатель Израиля хотел бы там увидеть. К примеру, Институт стратегических и политических исследований в Иерусалиме доказывает, что “внешняя помощь - это главное препятствие экономической свободы в Израиле”. Ни для кого не является секретом, что военная промышленность Израиля неэффективна и крайне забюрократизирована - и эти недостатки постоянная американская помощь только укрепляет. Зачем проводить трудные реформы, если миллиарды помощи будут получены вне зависимости от того, что делается?

Наше правительство также оказывает Израилю медвежью услугу, ограничивая его суверенитет. Израиль ищет одобрения Америки на военную акцию, которую он считает необходимой, он консультируется с Америкой по поводу собственных границ, и даже ищет поддержки Америки в переговорах о мире со своими соседями - которую не всегда получает. Это должно быть остановлено. Имея арсенал более чем в сто ядерных боеголовок Израиль более чем способен постоять за себя в войне с любым врагом. Израиль должен сам отвечать за свою судьбу.

Перед лицом людских издержек войны - тысячи американских военнослужащих убиты, десятки тысяч ранены - подсчет материальных затрат несколько блекнет. Но мы и не говорим о нескольких миллиардах долларов,

затраченных туда или сюда. Цена нашей внешней политики столь высока, что она может привести нас к национальному банкротству.

Когда я говорю “банкротство” я не имею в виду, что федеральное правительство прекратит выписывать чеки и тратить деньги. Федеральное правительство так скоро не выйдет из бизнеса. Я имею в виду то, что эти чеки и деньги не смогут ничего купить, так как доллар как валюта будет уничтожен.

Немногие американцы осознают, как дорого им обходится внешняя политика. Ларри Линдсей, главный экономический советник администрации Буша, удивил Белый Дом, когда предупредил со страниц “Уолл-стрит джорнэл”, что Иракская война может обойтись в 100-200 млрд. долларов. Возмутительно, ответили официальные лица. Развитие событий, однако, показало, что Линдсей оказался оптимистом. В начале 2006 года Линда Билмс из Гарварда и Джозеф Стиглиц из Колумбии оценили долгосрочные последствия войны, включая расходы на уход за изувеченными солдатами, в 2 триллиона долларов. К концу года они же говорили, что и цифра в 2 триллиона слишком мала.

И бюджет подрывает не только иракская война - его подрывает наше заокеанское военное присутствие в целом. Мы достигли уровня военных расходов в 1 триллион долларов в год. Один триллион долларов. предполагаемый бюджет одного Пентагона составляет на 2008 год 623 млрд. долларов. “Что примечательно в военном бюджете этого года”, - пишет один военный аналитик, - “это то, что бы достигли максимального бюджета со времен Второй Мировой войны, но мы-то в данный момент не участвуем во Второй Мировой войне...”

И так же, как увеличение внутренних правительственных трат редко приводит к росту их эффективности, я сильно сомневаюсь, что значительная часть наших военных расходов действительно ведет к повышению национальной безопасности. Америка была бы куда сильнее и куда безопаснее, если бы наше правительство проводило антиинтервенционистскую внешнюю политику и положило конец межнациональному напряжению. И не только потому, что внешнеполитическим вмешательством мы наживаем себе врагов - это-то как раз очевидно. Гораздо больший вред приносят огромные расходы человеческих ресурсов, техники и средств на чрезмерно раздутое заокеанское присутствие. Эти ресурсы пригодились бы для непосредственной защиты США. Наши войска растянута слишком тонкой пленкой по всему миру более чем на 700 военных базах, задействованы в национальном строительстве, за которое республиканцы не так давно критиковали Билла Клинтона.

Мы держали войска в Корее более пяти с половиной десятилетий и почти столько же в Европе и Японии. Сколько лет должно пройти, чтобы мы удовлетворились? Американское присутствие в этих местах позиционировалось как временное, до исчезновения военной угрозы, которая была причиной их появления там. Милтон Фридман был прав - нет ничего более постоянного, чем "временная" правительственная программа.

С государственным долгом в 9 триллионов, 50-триллионными обязательствами по правительственным программам и долларом в свободном падении, как долго мы еще сможем позволять себе эти ненужное и непозволительное расточительство?

В то время как наше правительство увеличивает дефицит бюджета для финансирования своих заокеанских интересов, отрывая средства от собственной экономики, другие страны, такие как Китай, заполняют ниши, развивая свои торговые связи. Я никогда не понимал разговоров о нашем военном присутствии как о “стратегическом резерве западной цивилизации”. Лучшим индикатором нашей цивилизации всегда был авторитет во внешней торговле. Мы должны считать, что лучшая мера американского величия исходит из свободной и мирной торговли, а не из демонстрации нашей военной мощи.

Сейчас большим шагом вперед станет простое обсуждение внешней политики, которая сейчас проводится, и которой (с небольшими различиями) придерживается истеблишмент обеих наших главных партий. Один писатель очень метко назвал это “дискуссией, которой мы никогда не увидим”. Несмотря на то, что многие американцы против продолжения внешней экспансии “большого правительства”, антиинтервенционизм никогда не предлагался им как вариант выбора. Так называемые “дебаты” между экспертами, которые они видят по телевизору или читают в газетах, умышленно ограничивают пределы обсуждения минимально значимыми вопросами. Дебаты всегда идут в терминах того, какую интервенционистскую политику правительству нужно проводить. Возможность того, что мы должны избегать истощения своих ресурсов в бесконечном внешнем вмешательстве даже не обсуждается. Ей-богу, какие могут быть дебаты, если все спорящие стороны согласны с тем, что Америке нужны войска в 130 странах?

Это может быть похоже на дебаты, которые раньше дозволялись в газете “Правда”, но в свободном обществе мы вправе ожидать более здорового обмена

идеями!

Если мы будем обсуждать эти проблемы, некоторые американцы могут решить, что повышенный риск терроризма - это разумная цена, которую они готовы платить за интервенционистскую внешнюю политику правительства. Другие осознают, что интервенционизм разоряет нас и делает нашу жизнь менее безопасной. К чему бы оно не привело, мы должны иметь возможность это обсуждать. И в результате таких дебатов, делает вывод Майкл Шойер, американцы “могут решить, что существующий статус-кво во внешней политике это именно то, что им нужно. Но если даже так, то они должны делать выбор с открытыми глазами и знать, что их ждет длительный период войн, чрезвычайно кровавых и разорительных войн”.

Между тем, отсутствие дебатов имеет катастрофические последствия для нашей республики. Джеймс Бамфорд считает, что лидеры Аль-Каеды надеялись втянуть нас в этакий “Вьетнам в пустыне” - ненормально дорогую войну, которая бы истощала наши ресурсы и помогала бы им вербовать местное население на войну с нами. И это у них получилось. Издержки войны измеряются триллионами. Доллар коллапсирует. Все больше становится террористов. В соответствии с результатами исследования Центра глобальных исследований и международных отношений в Герцлии (Израиль), подавляющая часть тех, кто сейчас сражается с международными силами - это иракские граждане, которые ранее никогда не имели отношения к терроризму, но были радикализированы американским присутствием в Ираке - второй по значимости священной области Ислама.

Если вкратце, то террористы играют с нами как кошка с мышкой. Своей ненужной и неспровоцированной атакой на Ирак мы добились только того, что они хотели.

Американцы имеют право на защиту от внешних атак, и это не пустое заявление. Но эта защита очень мало похожа на развязывание превентивных войн против стран, которые не атаковали и не могли атаковать нас, у которых почти нет морских и воздушных войск, и чей военный бюджет составляет доли процента нашего. Политика свержения и дестабилизации любого режима, который не нравится нашему правительству - это не политика вообще, если конечно нашей целью не является международный хаос и обнищание американского народа.

Пришло время провести коренной пересмотр нашей политики интервенционизма, оккупации и национального строительства. Это в наших национальных интересах и в интересах всего мира. Это послание волнует не только американцев в целом, но и военных США: во втором квартале 2007 года наша кампания позволила собрать больше пожертвований от действующих и отставных военных, чем кампания любого другого республиканского кандидата, а в третьем квартале - больше чем любой из остальных кандидатов от всех партий. В четвертом квартале мы собрали пожертвований от военных больше чем все республиканские кандидаты вместе взятые. Наш призыв популярен, он базируется на американской безопасности, финансовом здоровье и здравом смысле.